

О.В. Попова*

МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена обсуждению проблем фрагментированности, несформированности, противоречивости моделей политической идентичности различных групп населения в современной России. Автор убежден, что ни политическая элита, ни активная общественность в настоящее время не могут предложить привлекательные позитивные образы «проекта России», что в значительной степени снижает возможность контроля с их стороны за формированием такой установки массового политического сознания, как политическая идентичность. Автор статьи считает, что построение исследователями универсальной классификации моделей политической идентичности для различных обществ невозможно, несмотря на наличие базовой матрицы государственной и политической идентичности и некоторых существенных характеристик, задающих спектр политических оценок. Тем не менее классический системный подход моделей политической идентичности, оценивающий существенные характеристики, факторы влияния, возможности адаптации, политические и социальные эффекты, обеспечивает достаточно точное понимание этого феномена.

Ключевые слова: политическая идентичность; объекты политической идентификации; политические акторы; модели политической идентичности; Россия.

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

Popova Olga, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

O.V. Popova

Identity models of political actors in contemporary Russia

Abstract. The article discusses problems of fragmentation, unformedness, inconsistency of different population groups' political identity models in contemporary Russia. The author is convinced that neither a political elite nor an active public can currently offer any attractive positive image of the «Russia project», therefore their ability to control such an attitude of mass political consciousness as political identity is considerably reduced. The author believes that researchers cannot build a universal classification of political identity models for different societies, despite having a basic matrix of state and political identity and some essential characteristics that set a spectrum of political assessments. Nevertheless, classical system approach of political identity models, assessing essential characteristics, influence factors, adaptation possibilities, political and social effects, provides a fairly accurate understanding of this phenomenon.

Keywords: political identity; political identification objects; political actors; political identity models; Russia.

Политическая идентичность

Исследовательский вопрос о моделях политической идентичности остается в эмпирической политологии актуальным на протяжении нескольких десятилетий, что определяется во многом осознанием исследователями невозможности разработки некоторой универсальной классификации моделей политической идентичности в трансформирующихся обществах. Российские исследователи сосредоточиваются на разработке теоретических проблем идентичности в сфере политики. В этом контексте необходимо назвать имена таких российских исследователей, как В.В. Лапкин, О.Ю. Малинова, В.Е. Морозов, Е.В. Морозова, В.И. Пантин, С.П. Поцелуев, И.С. Семененко, Л.А. Фадеева и др. [Идентичность... 2017].

Существенным фоновым условием, определяющим интерес к исследованиям политической идентичности, является позиция политического класса, который пытается поставить задачу конструирования определенного типа политической идентичности значительных по величине социальных групп с заданной моделью поведения в публичном политическом пространстве. В реальной жизни процесс формирования политической идентичности далеко не всегда может четко задаваться и регулироваться государством, политическими акторами и социумом, однако он не является и аб-

солютно спонтанным, зависящим только от воли самого индивида. С этой точки зрения методология конструктивизма оказывается нерелевантной для исследовательской задачи выявления сформированных моделей политической идентичности. С. Холл точно заметил: «Речь не столько о том, “кто мы” и “откуда”, сколько о том, чем мы можем стать, как нас представляют другие и как это соотносится с нашими собственными представлениями о себе... Идентичности создаются в процессе репрезентации» [Hall, 1996, p. 4]; социальное и политическое взаимодействие индивидов, политической элиты и рядовых граждан – это то обязательное фоновое условие, которое позволяет формироваться определенной модели политической идентичности. Поливариантность формирования политических идентичностей в современном обществе не тождественна неограниченной свободе и независимости этого процесса от совокупности социально-политических условий развития общества, доминирующей в нем системы ценностей и норм культуры, особенностей политического режима государства, проводимой в нем информационной политики и т.д.

Политическая идентичность, как одна из важнейших установок политического сознания людей, позволяет им, наряду с отношением себя к одной или нескольким социальным и / или политическим общностям, формировать свое отношение не только к происходящим политическим событиям, но и к мифологизированным представлениям о прошедших исторических политических событиях и к будущим политическим проектам, а также максимально легко принимать политические решения, включая выбор модели политического поведения (участие в электоральном процессе, массовых протестных акциях и т.д.) [Попова, 2015, с. 5]. Коллективная, или групповая, политическая идентичность, связанная с восприятием индивидом себя как члена определенного сообщества / группы на основе общих политических ценностей и представлений, является важным компонентом матрицы политической идентичности. Фундаментальной базой формирования идентичности является оппозиция «мы – они» или «свой – чужие». Значимый «Другой» в сфере политики также далеко не всегда является единичным объектом; реальная политика задает множество этих «Других», отношение к которым колеблется в диапазоне от образа «иноного» до «врага».

Чаще всего исследователи обсуждают четыре варианта сформированной модели идентичности. В первом случае речь идет об отсутствии позитивных и негативных образцов; во втором случае – об отсутствии позитивных, но наличии негативных образцов, в третьем – о наличии четких позитивных и размытых границ негативных «Других» и «чужих» в политике, в четвертом случае – о четкой модели с позитивными и негативными образцами.

Объективно ни одно социальное или политическое сообщество или отдельные личности не нуждаются в выработке или репрезентации объективного образа «мы», когда вопрос о формировании модели идентичности становится актуальным. Для выработки идентичности со «своей» группой «нужны не объективные истины, а политически значимые символы» [Поцелуев, 2001, с. 108]. Образ «мы», если только речь не идет о негативной или кризисной модели, должен вызывать чувство самоуважения и уважения у значимых «Других». Выработкой политически значимых символов для идентификационной матрицы государственной идентичности занимается властвующая политическая элита. Конечно, необходимо признать, что подчас предлагаемые публике символы являются следствием компромисса внутриэлитной борьбы и / или соглашением элиты с активной частью общественности. Однако для большинства населения компоненты матрицы идентичности предлагаются уже в готовом виде как некая идеальная данность.

Политические акторы (не только государство, которое представляет административная политическая элита и публичные политики, но и другие игроки в поле политики), стремятся предложить (подчас навязать) населению свои модели идентичности. Однако следует признать относительную неэффективность этих усилий. На наш взгляд, здесь работают пять основных факторов. Во-первых, ни один из политических игроков не может предложить непротиворечивую конструктивную модель «проекта Россия», обращенного в будущее, которую разделяли бы в равной степени большинство элитных групп и населения. Во-вторых, наблюдается отсутствие единой консолидированной точки зрения элиты на базовые компоненты матрицы политической и государственной идентичности. В-третьих, граждане России постоянно сталкиваются с нарушением логики в оценке исторических событий и политических деятелей, в государстве отсутствует последователь-

но проводимая единая символическая политика. В-четвертых, ни один из политических акторов, в том числе и государственные структуры, не обладают монополией или ресурсами для контроля в частной / приватной сфере за распространением идей, которые транслируются в публичной сфере. В-пятых, в современном мире ни в одном государстве (помимо тоталитарных) никто не обладает монополией над процессом политической коммуникации. Однако это не означает, что попыток установить подобный контроль даже в считающемся демократическом государстве нет. Другое дело, что множество игроков в «поле политики», которые не только обладают политической волей и стремятся реализовать собственные политические интересы, но и являются проводниками – агентами – запросов иных политических сил, не обладают монополией на предложение универсальной для большинства социальных групп системы политических взглядов. Для современной политической коммуникации «типичен взаимный перехват идей и лозунгов, размытость и метафоричность понятий, неопределенность “друзей” и “врагов”» [Поцелуев, 2001, с. 108], однако политическая элита, предъявляя идеальный образ «мы», «наши друзья», «иные», «враги», не желает такого развития ситуации.

Стратегии предложения политическими акторами в качестве «своих» и «Других» для формирования политической идентичности образов обладают определенной схожестью; налицо: упрощенный вариант интерпретации любых процессов; дихотомизация используемых образов; ригидность; ставка на размежевание; ожидание единомыслия от населения, «отказ» людям в праве мыслить иначе; минимизация рациональности; предложение готовых образов и рецептов решения проблем; популизм, постоянное апеллирование к волеизъявлению народа; морализаторство с указанием допустимого; «качели» между традиционализмом и модернизацией; декларация лояльности власти и патриотизма как основных требований к политическим установкам граждан; предложение унифицированной модели политической мобилизации для всех социальных групп; попытки оказания влияния на политический «я-образ» в онлайн-пространстве посредством изоощренных манипулятивных приемов.

С учетом проявления в конкретных публичных действиях установок идентичности российские исследователи выделили следующие семь групп молодежи, чье политическое сознание существ-

венно различается по базовым характеристикам идентичности. Данная типология, фиксирующая в качестве критериев различия модели идентичности приоритетную сферу деятельности, отношение к власти, инициативность в публичной сфере, подходит и для классификации моделей идентичности взрослого населения страны. Во-первых, это так называемые «инициативные» граждане, которые склонны к участию в бизнесе, готовы брать на себя предпринимательский риск, участвовать в гражданских и политических инициативах, проявлять себя лидерами. Во-вторых, это группа «исполнительных» людей, которые проявляют себя как законопослушные, «ведомые», они склонны участвовать в жизни общества и государства только в качестве квалифицированных специалистов-исполнителей. В-третьих, это группа «спекулятивных» граждан, которые ориентированы на успех в трудовой деятельности, но не за счет проявления деловых качеств в рамках добросовестной профессиональной конкуренции, а благодаря «доходной» должности (предпочитают чиновничье-управленческие должности) или рода деятельности в области торговли, различного вида посредничества, а также за счет получения высоких процентов в качестве рантье. В-четвертых, это большая группа «социально-зависимых» людей, которые склонны к патернализму, не проявляют личную инициативу, рассчитывают на социальную защиту и гарантии со стороны государства, минимизируют объем и качество выполняемой работы. В-пятых, проявляется группа «оппозиционных» граждан-активистов, которые склонны к демонстрации активного публичного протеста, а также те, кто не вписался в систему социальных и политических отношений в современной России и проявляет склонность к пассивному социальному протесту, в том числе за счет ухода в онлайн-пространство, где недовольство своей ситуацией и ситуацией в обществе в целом выливается в весьма активные вербальные действия в виртуальном пространстве с крайне редким выходом в офлайн-среду. В-шестых, проявляется группа «анархически» настроенных людей; это – индивидуалисты-скептики, отрицающие законопослушность как условие нахождения в системе социальных отношений, склонные к маргинальным поступкам и чаще всего принадлежащие к какой-либо радикальной (не обязательно политической) субкультуре. В-седьмых, это – «пассивные» – законопослушная часть населения, готовая делать жизненный выбор только под влиянием како-

го-то лидера общественного мнения, включая представителей близкого круга общения (родные и друзья), кумиров или популярных представителей СМИ) [Горшков, Шереги, 2009, с. 5–36; 2010]. По оценкам экспертов, почти девять десятых граждан с подобными установками вполне адаптированы к современным российским реалиям и даже потенциально не представляют угрозы своими взглядами и действиями современному политическому режиму и элитным группам.

В этой типологии четко фиксируется отношение к власти, однако отметим, что существенным ограничением этой классификации моделей идентичности является то, что она не учитывает систему политических ценностей, существующего в настоящее время идеологического спектра политических игроков и отношение к предлагаемым политическими акторами вариантам наполнения матрицы государственной идентичности.

Базовая матрица государственной идентичности как ставка в политической борьбе

Анализ программ политических партий, выступлений лидеров парламентских и внепарламентских партий, официального дискурса российской административно-политической элиты, лидеров общественного мнения, гражданских активистов четко показывает, что в настоящее время традиционная модель классификации поля политики по оси «правые – левые» не может выступать четким критерием дифференциации политических взглядов политических акторов. Наглядно это демонстрируют фактически все российские политические игроки. Находящиеся на вершине власти и занимающие высшие административные должности представители политической элиты сочетают либеральные установки в сфере экономики с государственноческими установками в сфере внешней политики и обращением к социуму с социал-демократическими лозунгами, апеллирующими к принципу справедливости. Политические акторы, позиционирующие себя как левые, коммунисты, сочетают государственноческие установки с православными ценностями, отказываются от борьбы против собственности, от классовой борьбы в целом, их программы все более напоминают модификации идей североевропейской социал-демократии. При

этом политические акторы, декларирующие свою политическую позицию как именно социал-демократическую, все чаще выполняют роль спойлеров и спарринг-партнеров для действующей верхушки политической элиты.

Примеров этого достаточно много. Например, на уровне официального дискурса В.В. Путин позиционирует себя как консерватор, однако анализ позволяет четко идентифицировать проводимую им экономическую политику как либеральную; во внешней политике он проявляет себя как сильный государственный, которому не чужды нормы проводившейся в СССР внешней политики, а в социальной политике явно прослеживаются элементы подхода социал-демократов. Схожую картину можно наблюдать при оценке программ партий, заявлений их лидеров и практической деятельности. Из всего многообразия партийного спектра современной России едва ли не единственной организацией, чья партийная платформа строго соответствует какой-либо идеологии, является «Справедливая Россия». Для исследователя в этом кейсе представляет особый интерес то обстоятельство, что классическая социал-демократическая позиция этой партии основана на принципе социальной справедливости и предполагает реализацию мощных социальных программ, соответствующих интересам большинства населения России (наемных работников, мелких и средних предпринимателей, социально незащищенных слоев населения и т.д.), однако число людей, идентифицирующих свои интересы с позицией этой партии и поддерживающих ее, крайне невелико и постоянно снижается. Кроме того, наиболее строго сохраняют свою политическую идентичность носители националистических взглядов.

На наш взгляд, не утрачивая окончательно своего системообразующего значения для формирования поля политики в современной России, идеология как бы уходит в тень, уступая позицию классифицирующего основания политической идентичности политической элиты и, как следствие, и рядовых граждан Российского государства, матрице государственной идентичности. Отметим, что существенным пороком / ограничением всех предлагаемых политическими акторами вариантов является отсутствие четкого позитивного образа будущего России («проекта России»), которое было бы привлекательно для большинства населения и выполняло бы важную мобилизующую и объединяющую функцию для граж-

дан страны. Предложенные в 1990-х годах последовательно модели «новой демократической России», «единого российского народа» и «особой, сформированной на основе православия цивилизации» не имели успеха с точки зрения выполнения этой функции, однако правящая политическая элита в России в последние десять лет продолжает упорно декларировать необходимость придерживаться третьей модели, дополнив ее идеей патриотизма.

В этом случае встает вопрос о предлагаемой политическим актором базовой матрице идентичности, под которую подстраивается сознание людей – объектов идентификации. Полная матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться только одно из них.

Матрица государственной политики идентичности формируется на основе предлагаемого элитой национального мифа, который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства. Она включает в себя следующие три компонента: а) образ «нашего» государства, в котором отражаются «правильные» границы территории страны (пределы государства / границы и способ восприятия отдельных территорий государства), время создания государственности, государственная символика, сонм исторических героев, основной мифологизированный исторический персонаж-герой, поддерживаемый значительным большинством граждан современный национальный герой-лидер, чей образ должен ассоциироваться в сознании населения с образом всей политической элиты; б) образ «мы» с однозначно трактуемым способом обозначения населения государства, декларацией принадлежности страны к определенному типу цивилизации и самоопределением элиты относительно значимых для нее групп; в) образ «они» с внешним и внутренним измерением, а также с выделением «своих», «иных», «чужих» и «врагов», для обозначения которого чаще всего используется конфронтационная модель «другие – чужие – враги», имеющая внешнее и внутреннее измерения; эти образы могут быть как обобщен-

ными, абстрактными, так и персонифицироваться [Попова, 2017 а, с. 291–292].

Важным предметом политической полемики для политических акторов в борьбе за доминирование своей версии базовой матрицы государственной идентичности являются вопросы, связанные с временно́й точкой отсчета создания российского государства и определением, кого из князей следует считать русскими / российскими. В этой идеологической борьбе соответствие точек зрения политических игроков исторической действительности вообще никакого значения не имеет. Вариации на тему «назначения» главным городом происхождения российской государственности («Киев – мать городов русских», «1150 лет российской государственности» в привязке к возрасту Великого Новгорода, «Русь московская» и т.д.), определения князей Владимира Мономаха или Ярослава Мудрого как русских или украинских исторических деятелей, равно как и выявление «начальной» временно́й точки Руси / России становятся всего лишь разменной картой для позиционирования игроков в политическом пространстве.

Следует обратить внимание также и на то, что концентрация на прошлом при отсутствии позитивного, тщательно проработанного, «конкурентоспособного» образа будущего России свидетельствует об ущербности моделей государственной идентичности, предлагаемых фактически всеми политическими силами в нашей стране. Вариант «привлекательной неопределенности», столь часто используемый в политических манипуляциях политиками, стоящими на вершине власти, оказывается не чужд и представителям несистемной оппозиции. Образ «прекрасная Россия будущего», в котором четко обозначен только один элемент – отсутствие коррупции, исключительно хорош в качестве рекламного политического слогана, но оказывается слишком неопределенным для людей, уже прошедших фазу доминирования негативной модели идентичности.

Схожая ситуация складывается и с элементом матрицы идентичности «мы». Политические акторы, особенно представители политической или бизнес-элиты, отнюдь не склонны искать нечто общее у своей группы с гражданами России и идентифицировать себя с ними (см., например, скандальное выступление Г. Грефа на Пе-

тербургском экономическом форуме в 2014 г.¹). Фактически это – ситуация двоемыслия, когда, с одной стороны, декларируется единство всех граждан России и действует норма ст. 282 УК РФ о возбуждении ненависти и вражды², а с другой стороны, между рядовыми гражданами и элитными группами существует непреодолимая пропасть в объеме доступа к различного рода ресурсам и благам.

В современной России происходит постепенная трансформация функций базовой матрицы идентичности. Она уже не только формирует определенное идеологическое мировоззрение на межгосударственное устройство современного мира и место «своего» государства в нем. В условиях активизации политической борьбы не только во внутри-, но и на межгосударственном уровнях она все чаще играет роль значимого образца, задающего границы и образы гражданственности. Базовая матрица государственной идентичности в реальной политике все чаще играет роль ставки в конкурентной борьбе политических акторов с различными политическими установками в стремлении к преданности и лояльности населения. Не существует единой базовой матрицы государственной идентичности, которая бы разделялась если не всеми, то большинством политических акторов. Они стремятся предлагать собственные отличающиеся от других модели и делают их одновременно средствами привлечения сторонников и проверки своих последователей на лояльность и преданность.

В последние несколько лет можно наблюдать определенную трансформацию компонентов базовой матрицы государственной идентичности. На наш взгляд, внимания заслуживают следующие тенденции.

Во-первых, при сохранении жестко заданной структуры государственной матрицы идентичности образы компонентов становятся все более подвижными, подверженными ситуативной изменчивости, легитимизируемой политической «целесообразностью момента».

¹ Греф проговорился. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RpKYXPhnjAM> (Дата посещения: 13.02.2018.)

² Уголовный кодекс РФ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (Дата посещения: 13.02.2018.)

Во-вторых, наблюдается утрата логической стройности и непротиворечивости конструкта этой матрицы у различных политических акторов.

В-третьих, визуальные образы матрицы государственной идентичности связываются не только с государственной символикой настоящего, все более активно используются атрибуты прошлого; актуализируется перенос времени формирования государства в глубь веков.

В-четвертых, акцентируется яркий, положительный образ общего будущего народа и страны; подчеркивается контраст между тяжелым прошлым и светлым будущим, но при этом будущее остается крайне неопределенным, проект будущей России как таковой отсутствует. Действующей административной политической элитой она описывается как великая, традиционалистская и духовная; либеральная часть политической элиты традиционно описывает будущую страну как демократическую, следующую нормам и идеалам западных стран.

В-пятых, вне зависимости от числа сторонников политических акторов, предлагающих ту или иную модель базовой матрицы государственной идентичности, образ «мы» всегда представляется как доминирующая (самая большая, наиболее значимая, исключительная) социальная группа. В матрицу обязательно включается этнонациональный компонент, подчас полностью подменяющий собой все содержание «мы».

В-шестых, происходит активная мифологизация образов как «мы», так и «Другие». «Мы» лишены недостатков, в отношении «Других» доминирует конфронтационная модель их как чужих или врагов. Позитивный образ «Других» также не соответствует политической реальности; усилиями политических акторов он трансформируется в образ мощных вечных союзников или покровителей.

Механизмы формирования политической идентичности

В политической науке нет единой точки зрения по вопросу о механизме формирования политической идентичности [Попова, 2017 б, с. 176–182]. Традиционно под этим термином понимают процесс формирования индивидом в ходе социализации, усвоения

личностью норм, идеалов, ценностей, ролей, стандартов поведения тех групп, к которым он принадлежит, идеального образа значимых политических объектов и «своих» в сфере политики. С одной стороны, уже с конца 1960-х годов у исследователей не вызывает сомнения то, что базовым механизмом формирования политической идентичности является первичная, вторичная политическая социализация и ресоциализация. С другой стороны, периодически возникает вопрос если не о конкурирующих концепциях, то о дополнительных, объясняющих трансформацию политической идентичности уже взрослых людей. Отметим также, что все чаще в литературе встречается точка зрения, ставящая знак равенства между механизмом формирования политической идентичности как естественным процессом и технологией. Основным механизмом формирования политической идентичности – политическая самоидентификация, процесс отнесения себя к той или иной политической группе, например, к сторонникам той или иной политической организации, системы политических взглядов или того или иного политического деятеля. Важный элемент – наличие позитивного образца. Однако в реальной политической жизни гораздо чаще ситуация складывается иначе – люди достаточно легко определяются с негативной моделью, но не имеют четкого представления о позитивных образцах.

В основе формирования политической идентичности лежит установление тождества индивида с определенными объектами, которые маркируются в его сознании как собственно политические или относящиеся к сфере политики. Одновременно фиксируется принадлежность к определенной группе, которая обладает некоторыми особенностями, связанными с ее идеологическими ценностями и политическим поведением (формируется образ «мы»). Базовый механизм – политическая социализация – включает три этапа: первичную, вторичную социализацию и ресоциализацию). Идентификация со значимыми людьми, основанная на копировании внешних черт и поведенческих стереотипов выбранного героя, – обязательный компонент первого и второго этапов политической социализации в возрасте 6–10 и 14–16 лет. При этом возникает вопрос о свободе выбора объекта для подражания.

Сторонники теории социализации как основного механизма формирования политической идентичности акцентируют множественность ее объектов (традиционно выделяют набор идеологи-

ческих ценностей, партии и политические персоны, но этот список может значительно видоизменяться и дополняться), а также моделей политической идентичности и усваиваемых индивидом социальных и политических ролей. Процесс социализации, который постоянно сопровождается самоидентификацией личности и выражает стремление личности к единству, связан с «обретением самости» и длится всю жизнь. Уже в возрасте 8–10 лет, в период первичной политической социализации, дети имеют вполне определенные устойчивые персонифицированные образы власти, ненаправленно формируемые родителями и целенаправленно – другими агентами политической социализации (СМИ, школой, государством и т.д.)

Реальные сложности установления политического тождества возникают у молодежи в период вторичной политической социализации, когда в сознании подростков проявляется и может стать доминирующей негативная модель идентичности, противоположная той, которую предлагают родители, государство, общество в целом. Подростки сталкиваются с опасной ситуацией чрезмерной идентификации с популярными личностями или носителями радикальных политических взглядов – левыми радикальными лидерами или откровенными националистами. «Молодые люди... могут вместить в себя столь глубокую идентичность лишь путем агрессии, а то и вспышек насилия...» [Эриксон, 1996, с. 34]. Они страдают от негативной идентичности, и осознание этого выливается в неприятие конформизма представителей старших поколений. Бунтарство молодежи – одно из наиболее очевидных проявлений негативной идентичности. Но бунтарями становятся не все, поскольку в любой исторический период есть «индивиды (“правильно” воспитанные), которые в процессе развития идентичности успешно приспосабливаются к господствующей технологии... Новаторы появляются только в явно выраженные переходные периоды: это те, которые слишком умны, чтобы оставаться приверженцами господствующей системы, слишком честны или раздражаемы внутренними противоречиями... которые сострадают “бедным”, оставшимся за бортом» [там же, с. 40–41]. Негативная идентичность может проявляться через ощущение себя неким безликим существом (неизвестным, невидимым, беззвучным). Кризис идентичности может привести личность к саморазрушению. Патология иден-

тичности способна спровоцировать разрушение системы ценностей и маргинализацию целых социальных групп.

В подростковом и юношеском возрасте существует опасность «негативной конверсии» – состояния сознания людей, при котором «элементы прежде негативной идентичности становятся абсолютно господствующими, в то время как позитивные совершенно устраняются» [Эриксон, 1996, с. 326]. Классический пример – молодежь нацистской Германии с ее активной поддержкой национал-социализма и членством в гитлерюгенде. Это состояние может присутствовать у молодежи безотносительно их национальности, социального статуса или политических воззрений семьи, в которой они воспитывались; оно может исчезать по мере разрешения возрастного кризиса или подчинить себе всего человека.

Существенной латентной функцией политической идентичности выступает социальный контроль. Предлагая через систему средств массовой коммуникации и встраивая в процесс социализации контролируемый набор социально одобряемых (в данном случае элитой) моделей политической идентичности граждан, власть может вполне успешно осуществлять эту функцию, обеспечивая достаточно высокий уровень согласия среди населения путем затушевывания спорных проблем. При формировании политической идентичности может быть использован мобилизационный механизм идентичности на основе целенаправленного навязывания политических образцов в рамках реализации политики идентичности. Задача политики идентичности – навязывание людям определенных стереотипов мышления о себе самих, своей нации, стране, мире и т.д. [Брубейкер, 2012].

В качестве субъектов политики идентичности как механизма формирования политических установок людей и на их основании определенных моделей политической идентичности могут выступать любые социальные и политические акторы, как, например, различные меньшинства – этнические, гендерные и т.д., или политические и государственные институты власти. Государство остается значимым, обладающим существенными ресурсами и средствами контроля и манипуляции политическим актором в жизни как локальных сообществ, так и макрообщностей. Оно стремится монополизировать не только различные формы легально применяемого насилия, но и легитимную символическую власть, право име-

новать, идентифицировать, устанавливать, кто есть кто и что есть что [İnaç, Ünal, 2013].

Функциональное предназначение политики идентичности государства – формирование символического единства граждан страны с целью обеспечения долгосрочной политической мобилизации населения в поддержку существующего политического режима. Кроме того, она символически легитимирует существующую политическую систему, дает идеологическое обоснование политики социального партнерства, снижает риски проявлений классовой борьбы. Инструментами политики идентичности выступают государственный язык, образовательные программы, нормы приобретения гражданства, национальные символы, государственные праздники, обозначения топографических объектов и т.д. [Малинова, 2010, с. 91; National day's... 2009]. Используются и юридические инструменты, поддерживающие государственную политику идентичности и делящие людей на «своих» и «чужих», «нас» и «их», «друзей» и «врагов».

Классическое представление о механизме формирования идентичности базируется на представлении, что у человека формируется тождество не только с определенными социальными ролями, но и с общностями, например нацией, обществом в целом. Идентичность может основываться на личностном конструкте «Я – общество» (позиция индивида в системах «я – мы» и «мы – они») (Я. Рейковски, В. Брушлинский). Мир воспринимается как групповой, в котором происходит выделение похожих на «меня» и идентичных «мне», и внегрупповой, создающий дифференциацию «мы – они». Тип личной идентичности (большая дистанция «я – мы» и маленькая «мы – они») – деятельный вариант осознания социальных и политических проблем, или субъект-объектный тип личностного конструкта, которому свойственна субъективность личностной позиции, внутренняя убежденность в зависимости всего происходящего вокруг только от собственных желаний и способностей. Эти персоны ощущают себя активной стороной, именно они оценивают, принимают решения. В то же время эти люди осознают только те проблемы, которые соответствуют их социальному статусу, приняты для обсуждения определенным кругом лиц. Тип групповой идентичности (маленькая дистанция «я – мы» и большая «мы – они») сопоставим с созерцательным типом осознания, или объект-субъектным типом личностного конструкта. Эти

люди наряду с аргументированными, продуманными выводами и суждениями демонстрируют отсутствие собственной точки зрения, позицию «стороннего наблюдателя», практическую беспомощность, пассивность, отчужденность в реальной политической жизни. Тип дифференциальной идентичности (большая дистанция «я – мы» и «мы – они») сопоставим с проблематизирующим типом осознания, или субъект-субъектным типом личностного конструкта, свободным от стереотипов в мышлении и поведении, имеющим высокий уровень осмысления социальных проблем и личностной активности, связанной не только с потребностями личности, но и общества в целом. Четвертый тип – диффузная идентичность (маленькая дистанция «я – мы» и «мы – они») предполагает стереотипизированный тип сознания, или объект-объектный тип личностного конструкта. Наличие «запрограммированных» штампов вместо лично-стно значимых проблем, консервативность в общении, сложность межличностной коммуникации, неспособность быстро усваивать новые нормы взаимоотношений, отсутствие потребности быть принятым в группе – все это характеризует индивида с диффузной идентичностью [Попова, 2002, с. 25–27].

Один из существующих в общественных науках подходов предполагает, что первый этап формирования идентичности заключается в присоединении индивида к какой-либо группе или социальному институту, в процессе которого человек проецирует свои собственные характеристики на них, вследствие чего возникает ощущение единства с этим сообществом, а совместные действия с другими членами этого сообщества наполняются для человека смыслом. На втором этапе активизируются процессы деперсонализации, когда конкретные виды социальной идентичности доминируют над целостным ощущением Я, а человек приписывает себе характеристики «своей» группы. На третьем этапе по мере возрастания количества контактов с другими людьми индивид начинает осознавать свою принадлежность одновременно к нескольким группам, в его сознании актуализируются различные объекты политической идентичности, которые могут восприниматься им как обособленные, подчас противоречащие друг другу. На четвертом этапе формирования идентичности множественные, отличные друг от друга объекты идентификации воспринимаются уже как значимые для его Я.

Концепт референтных групп предлагает иное объяснение механизма формирования идентичности: в этом качестве может выступать чувство удовлетворенности от принадлежности к «своей» или желание вхождения в позитивную референтную группу на основании сравнения их положения и наличия особых ресурсов. Наглядный пример – голосование за «партию большинства». Важным элементом этого механизма является эмоционально-оценочный компонент с акцентированием различий между группами. Поскольку для индивида исключительно важно признание со стороны значимых «других», ощущение групповой защиты, солидарности, стабильности, поддержание самоуважения, то в области политики фактическое или символическое присоединение к какой-либо группе, которая имеет существенные политические ресурсы, дает человеку не только возможность реализации каких-либо своих интересов, но и обеспечивает ощущение защищенности, в том числе за счет ожидаемой позитивной оценки со стороны «своих». Процесс формирования идентичности с какой-либо политической группой или институтом предполагает, что человек в доступных ему понятиях объясняет самому себе взаимосвязи и отношения между политическими акторами и оказывается в состоянии оценить наличие у них тех или иных ресурсов, которые он гипотетически может использовать в своих целях. Странники концепта референтных групп допускают ситуацию низкой способности людей к осознанию подлинных причин идентификации с политическими объектами; в этом случае на первый план выходят эмоциональные, спонтанные, а подчас и иррациональные мотивы действий. Соотнесение себя с какими-либо периферийными, мало-влиятельными общностями, связанное с ощущением собственной социальной и политической несостоятельности, как и формирование негативной модели политической идентичности, может сыграть роль мобилизационного фактора в реализации протестной политической активности.

В кризисной политической ситуации возможно формирование политической идентичности людей с весьма умеренной степенью политической ангажированности в малом круге непосредственных социальных контактов или с высокими показателями способности к политической мобилизации с абстрактными большими социальными группами и политическими акторами, с которыми у человека реального взаимодействия в повседневной жизни

может и не быть. В первом случае идентичность формируется в ходе непосредственного взаимодействия индивида с другими людьми на политические темы, во втором – опосредованно по каналам массмедиа.

В рамках некоторых методологических направлений формируется особое представление о механизмах формирования политической идентичности. Так, например, в рамках символического интеракционизма акцент делается на процессах политического взаимодействия, причем реакция людей «не вызывается непосредственно действиями другого, а основывается на значении, которое они придают подобным действиям» [Блумер, 1984, с. 173]. Предполагается существование нескольких уровней, связанных с процессом идентификации. На первом уровне происходит идентификация Я с предметной средой (Я есть...). Второй уровень предполагает самообозначение Я посредством противопоставления себя и себе подобных иным (другим, чужим, врагам и т.д.). Третий уровень предполагает выстраивание образа мира в соответствии с персональной перспективой и потребностью быть представленным в этом мире, утвердиться в нем. На четвертом уровне человек оказывается способным соотнести эту созданную им реальность с личным практическим опытом и вносить в собственные политические представления определенные изменения.

В рамках постструктурализма рассматривается механизм трансформации ситуационной идентичности в базисную. Ситуационная политическая идентичность непосредственно связана с актуальной политической практикой, для ее изменения достаточно профессионально навязанных извне с помощью манипулятивных методов «правильных» схем анализа ситуации и «правильного» же политического решения. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений. Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентичности человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование надситуационной политической идентичности в процессе политической социализации предполагает «вписывание» политических ролей в габитус агента поля политики. Формирование базисной политической идентичности происходит посредством раз-

решения кризисных состояний сознания личности. Надситуационная политическая идентичность диктует личности нормы и правила политического действия, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем. По версии постструктуралистов, формирование надситуационной идентичности проходит четыре этапа: а) возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; б) становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; в) осознание ситуационной политической идентичности и формирование надситуационной идентичности; г) принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной политической идентичности [Качанов, 1994, с. 118]. Формирование базисной идентичности на основе ситуационной в условиях трансформации общества может приобретать кризисный характер.

С точки зрения сторонников постмодернизма и методологии конструктивизма (Б. Андерсен, П. Бергер, Н. Лукман), поскольку у человека в современном мире существует якобы почти неограниченная свобода выбора модели идентичности (человек является тем, что он сам из себя формирует), но при этом нет и не может быть навсегда заданного набора черт, склонностей и образа Я, то ключевыми механизмами формирования идентичности являются воля и постоянная саморефлексия индивида [From group identity... 2013]. Цель идентификации – достижение аутентичности себя самого посредством дифференциации истинного и ложного Я, эмоционального преодоления прошлого и осмысленного прогнозирования своего образа в будущем. Поскольку Я, в том числе и политическое, есть непрерывный проект саморефлексии, то механизм формирования политической идентичности в этой конструктивистской версии предполагает способность человека к четкому обозначению своего места в политическом пространстве, рациональную мотивацию политических действий и выстраивание четкой траектории развития личности, т.е. контроль над временем. Поскольку, согласно конструктивистскому подходу, человек может быть свободен в своем выборе, практически независим от общества, референтной группы, своего социального слоя и малого круга общения, то единственным критерием правильности выбранных индивидом ценностей, установок, способов действия в

сфере политики, его идентичности является убежденность в своей правоте.

Существующие в настоящее время теории, объясняющие механизм формирования политической идентичности, в том числе и многообразия ее моделей, базируются на различных методологических основаниях. Помимо классической теории политической социализации, объясняющей механизм формирования идентичности в детском и подростковом обществе, все остальные концепции концентрируются на объяснении схем смены модели политической идентичности в сознании людей; при этом ни одна из концепций не дает объяснения причин этого многообразия.

Список литературы

- Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 173–179.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: Социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
- Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Современная молодежь: Тенденции социализации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2009. – № 6 (94). – С. 5–36.
- Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
- Качанов Ю. Опыты о поле политики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. – 159 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Попова О.В. Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017 а. – С. 291–292.
- Попова О.В. Механизмы формирования политической идентичности // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: Смыслы и ценности прошедшего столетия: Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17–21 мая 2017 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017 б. – С. 176–182.
- Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 257 с.

- Попова О.В.* Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 г.) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – СПб., 2015. – № 1. – С. 4–13.
- Поцелуев С.П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 220 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: Юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
- Hall S.* Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. – L.: Sage, 1996. – P. 1–17.
- From group identity to political cohesion and commitment / L. Huddy, D.O. Sears, J. Levy (eds) // Department of Politics. – N.Y.: Oxford univ. press, 2013. – P. 1–71. – Mode of access: http://www.surrey.ac.uk/politics/research/researchareasofstaff/isppsummeracademy/instructors%20/Huddy_GroupIdentity_Handbook_2013%20%282%29.pdf (Accessed: 10.11.2017.)
- İnaç H., Ünal F.* The construction of national identity in modern times: Theoretical perspective // International journal of humanities and social science. – N.Y., 2013. – Vol. 3, N 11, June. – P. 223–232.
- National days: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by D. McCrone, G. McPherson. – N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009. – 288 p.